

Гальперин М. С.
M. S. Galperin

РЕФОРМА VS РЕВОЛЮЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ VS ИСКУССТВЕННЫЙ ПРОРЫВ

REFORM VS REVOLUTION: EVOLUTION VS FORCED BREAKTHROUGH

Гальперин Михаил Самойлович – кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: Mgalperin@list.ru

Mr. Mikhail S. Galperin – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communications, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: Mgalperin@list.ru

Аннотация. Данная статья носит до некоторой степени методологический характер и содержит краткий аналитический обзор содержания и специфики понятий «реформа» и «революция», которые являются ключевыми в подходе к проблеме поиска и выбора путей социального обновления. Автором проводится мысль об исторической правомерности реформ как уникальном инструменте эволюционного, позитивного развития. Именно реформа отвечает объективным потребностям экономической и политической модернизации любого общества. В этой связи представляется важным рассмотрение соотношения экономического и политического факторов, а, следовательно, определение их приоритетности как для подготовки, так и в ходе реализации преобразований на их начальной и последующих стадиях.

Summary. This paper has rather methodological value; it contains a brief review of the meaning and specific features of such concepts as "reform" and "revolution", which, as is well-known, are the key ones in approaching the problem of searching for and a selecting ways of social renewal. The author advances the idea of historical legitimacy of reform which is a unique tool for positive evolutionary development. It is reform that meets the objective needs of economic and political modernization of any type of society. In this regard, it appears to be of importance to consider correlation between economic and political factors, and hence to define their priority ranking both at the preparation stage as well as during implementation of reform in its initial and further phases.

Ключевые слова: реформа, социальная революция, политическая революция, демократия, либерализм, эволюция, искусственный прорыв, К. Маркс, П. Ткачев, Н. Бердяев, экономический фактор, политический фактор, социальная модернизация.

Key words: reform, social revolution, political revolution, democracy, liberalism, evolution, forced breakthrough, K. Marks, P. Tkachev, N. Berdyaev, economic factor, political factor, social modernization.

УДК 32:316

В условиях современной России идёт трудный и длительный поиск наиболее приемлемых и эффективных путей развития: переосмысливаются в отечественной науке, применительно к условиям нашей страны, основные нормы и ценности, уже имеющие на Западе богатые традиции, а также не прекращаются поиски собственного пути исторического развития, причем следует отметить – на основе своего понимания так называемых либеральных ценностей, поскольку простой перенос идей западного либерализма на российскую почву представляется, как свидетельствует историческая практика, предприятием крайне сложным и в конечном счете бесперспективным, если не сказать, сомнительным изначально.

Так, по мнению авторов книги «Реформы и контрреформы: циклы модернизационного процесса», именно либерализм способен сыграть значительную роль в этом процессе, так как исходит из высоких ценностей и в состоянии обеспечить эффективность общественного

развития. В нашей истории уже есть примеры того, как в кризисной ситуации либеральные ценности играли положительную роль: достаточно вспомнить эпоху Великих реформ 1860 – 1870-х гг. и февральскую революцию 1917 г., когда Временное правительство пришло к власти, провозглашая именно либеральные ценности [2, 356-359].

Существует и другой, более осторожный нейтрально-выжидательный подход, касающийся общей оценки роли либерализма в условиях нашего общества: "а нужен ли он вообще России?". В его основе заложена до некоторой степени верная, заметим, мысль о том, что «демократия в России не либеральна, а либерализм не демократичен». Не случайно все реформаторские начинания в 80-90-е годы в нашей стране имели идеологическое обоснование в виде призывов к восстановлению и утверждению либеральных ценностей, утраченных за время тоталитарного правления.

Как известно, либеральная доктрина предъявляет определенные требования к характеру проводимых преобразований. По мнению В. Леонтовича, «метод либерализма – это устранение помех личной свободе. Такое устранение не может, однако, принимать форму насильственного переворота или разрушения... Согласно либеральному мировоззрению, необходимо устранять в первую очередь неограниченные полномочия государственной власти... Наоборот, либерализм относится с величайшим уважением к субъективным правам отдельных людей...» [4, 20-21]. Рассмотрим в самом общем виде основные моменты, касающиеся противопоставления и взаимодействия этих двух ведущих инструментов общественного развития.

Эволюция раскрывалась в таких базовых категориях, как «кумуляция» и «насыщение». Так, К. Маркс характеризует понятие «эволюция» лишь как количественные изменения, а понятие «революция», прежде всего, как качественные. Как известно, классический марксизм разработал на основе пресловутого базисно-надстроечного конструирования теоретическое решение острейших проблем человеческого общества путем обязательного перехода к коммунистической формации. Тем самым был выдвинут и предельно однозначно обоснован способ достижения цели в понимании К. Марксом революции, как «локомотива истории». Революция, в марксистском понимании, выступает как объективный процесс и предстает уже не только средством разрешения противоречий, но и **единственной возможностью** преодоления любых форм отчуждения личности в обществе в условиях существующего социального устройства. Разумеется, насилие, в трактовке основоположников марксизма, выступает как временное явление, и его роль в революционном процессе можно рассматривать лишь как катализатор дальнейшего прогресса.

Развивая далее этот пункт в учении К. Маркса, В.И. Ленин не отвергает наличие указанной субъективно обоснованной обусловленности революционного процесса, но интерпретирует «насилие» как теоретический посыл в работах К. Маркса уже иначе. В этом плане на русскую социал-демократию огромное влияние, как мы знаем, оказали работы П.Н. Ткачева, идеолога террористических методов революционной борьбы. Здесь, вероятно, следует искать подтвержденное на практике непоколебимое убеждение, что революции могут и должны быть осуществлены организованной группой лиц насильственно. Революция приобретала, тем самым, антропологическое звучание в теории Ленина.

Таким образом, в истории развития общества реально существуют две противостоящие силы – эволюция и революция. Эволюция и, в известном смысле, революция представляют собой содержание (а революция – и отражение) объективных процессов. Реформа же, наоборот, есть субъективная реакция (определенной личности или группы людей) на объективные процессы, результатом которой является целенаправленная деятельность, ориентированная на позитивные изменения в структуре общества. Такой подход объективно подводит нас к постановке проблемы исторической состоятельности революции как социального явления.

В подтверждение высказанных выше суждений обратимся к статье великого русского мыслителя Н. Бердяева «О политической и социальной революции», написанной в апреле 1917 г. и посвященной ситуации в России в переломный период непосредственно после Февральской революции.

Во вводной части автор так обосновывает необходимость серьезного и ответственного подхода к применению понятий «социальная революция» и «политическая революция»: «В такое время, как наше, многие слова употребляются некритически и без определенного реального содержания. Словесные лозунги соответствуют известным настроениям и потому приобретают силу, но строгого смысла и содержания они могут быть лишены. Сейчас очень злоупотребляют выражениями "политическая" и "социальная" революция и на этом противополжении ориентируют разные точки зрения на происходящий в России переворот. Одни очень настойчиво утверждают, что в России произошла исключительно политическая революция, другие же требуют, чтобы политическая революция была продолжена в сторону социальной и как можно дальше на этом пути зашла. Для тех, которые стоят на второй точке зрения, революция только начинается, она ещё впереди, пройден лишь первый подготовительный этап, за которым должны следовать дальнейшие этапы социально-классовой революционной борьбы» [1, 18-19]. Далее, вскрывая чисто конъюнктурную интерпретацию содержания категории «социальная революция» в программе российских социал-демократов, он отмечает: «Если под выражением "социальная революция" нужно понимать социалистическую революцию, то остается непонятным, как можно по существу буржуазную революцию превратить в социалистическую какими-либо насильственными, диктаторскими мерами, борьбой за политическую власть рабочего класса, не соответствующую его социальному весу в данный исторический момент». По его мнению, «...нужно просто признать, что буржуазная революция есть прогрессивный этап в историческом развитии народов. Сам Маркс признавал за буржуазией в высшей степени прогрессивную и революционную роль в истории. В сущности, буржуазная революция означает национальную, всенародную революцию, момент в исторической судьбе целого народа, в его освобождении и развитии» [1, 19].

Продолжая свою мысль, он дает следующую сопоставительную, оценку происходящих событий и их возможного, но нежелательного развития: «"Буржуазная" революция сейчас в России и есть не классовая, а... всенародная революция, осуществляющая задачи общенациональные и общегосударственные». А если бы сейчас в России произошла "пролетарская" революция, то она была бы исключительно классовой, антинациональной и антигосударственной и привела бы к насильственной диктатуре, за которой по непреложному закону последовал бы цезаризм» [1, 19-20]. Тем не менее, предвидя подобную перспективу, Н. Бердяев проявляет присущую ему гениальную, на наш взгляд, прозорливость, выразившуюся в следующей предельно откровенной и объективной характеристике сущности и исторической несостоятельности социалистических устремлений.

«В революционном максимализме всегда отсутствует творческий исторический инстинкт, и никогда гений не влечется в эту сторону. И всякий обладающий творческим историческим инстинктом, постигающий судьбу народов, должен признать реакционным срывом все максималистские социалистические течения в нынешний час исторического существования России. ... То стихийное массовое движение, которое именуется у нас социальным, не вдохновляется сейчас идеей социального целого, ... в нем явно преобладают интересы личные и групповые в ущерб целому, в нем ... слишком много корыстного и захватного. ... Но принудительное водворение "Царства Божьего на земле" всегда пахнет кровью, всегда есть злоба и взаимное истребление. В таком максимализме есть глубокая религиозная и моральная ложь, не говоря уже о его социальной и исторической невозможности» [1, 20-22]. И его предвидение, к сожалению, полностью оправдалось.

Таким образом, мы можем рассматривать развитие общественной системы как проявление взаимодействия эволюционных и революционных процессов, в которых реформы занимают совершенно особое положение.

Но здесь, вероятно, следует сделать оговорку о том, что в качестве исходного критерия характера реформ берется в данном случае временной фактор. Именно в этом значении мы часто используем понятие «революция» и производный от него эпитет «революционный» для характеристики тех или иных процессов и явлений. В широком смысле слова мы подразумева-

ем качественный итог относительно длительного процесса позитивных перемен – либо в обществе в целом, либо в отдельных сферах его деятельности. В узком смысле слова, употребляя указанные понятия, мы, как правило, имеем в виду подготовку и проведение группой лиц комплекса кратковременных, по сути, мероприятий, ориентированных, как правило, на насильственную смену политической власти, но опять-таки с возможным изменением общественного строя, т.е. разграничение понятий «социальная революция» или «политическая революция», представляется, на наш взгляд, до некоторой степени, произвольным. Обратимся еще раз к размышлениям Н. Бердяева по этому поводу накануне революционных потрясений.

«... Необходимо напомнить о той выяснившейся окончательно истине, ... что социальная революция в строгом смысле слова вообще невозможна, её никогда не бывало и никогда не будет. В этой области слово **"революция"** можно употреблять только **иносказательно, лишь в очень расширенном смысле.** (Здесь и ниже выделено нами – М.Г.) Так, например, мы говорим, что в XIX веке великие технические изобретения были великой революцией, перевернувшей всю человеческую жизнь. Но по существу нужно сказать, что **возможна лишь социальная эволюция с более или менее ускоренным темпом, возможны лишь социальные реформы более или менее смелые и радикальные.** Заговорами, бунтами, восстаниями и диктатурами ничего нельзя изменить в жизни социальной, все это есть лишь накипь. **Насильственные эксперименты, производимые явочным порядком, лишь отбрасывают назад в социальном развитии».**[1, 23-24].

Далее, невозможно рассматривать политические процессы в обществе в отрыве от развития экономики. Политика без экономики – это абстракция, не имеющая ничего общего с реальной жизнью общества. Как некогда образно выразился военный историк А. Керсновский: «Экономика – дочь Политики, Политике принадлежит главная роль. Хорошая экономика при плохой политике – лишь опасный мираж. ... На песке можно выстроить красивое здание, но от этого здания нельзя требовать ни прочности, ни долговечности» [3; 3, 125]. Кстати, приведенная цитата взята из раздела, посвященного состоянию длительного периода пост-петровской России, которое – еще тогда, в 1930-е гг. – было кратко оценено им уже знакомым нам понятием «застой». Следовательно, социально-экономическое положение выступает изначальной предпосылкой необходимости преобразований во всех сферах, и оно же – как конечный результат – является ключевым индикатором эффективности реформы. Политический же фактор, выступая в виде комплекса политических институтов и отношений, играет роль генератора идеи реформы на подготовительном этапе, а затем координирует, корректирует и направляет сам процесс преобразований.

В этой связи возникает вопрос о приоритетности политического и экономического аспектов, при их одновременной взаимосвязи в ходе системной и систематической трансформации общества. При ответе на него отечественные и зарубежные ученые уже не всегда руководствуются устоявшимся «базисно-надстроечным» подходом, отдающим приоритетное значение экономике. Так, например, польский исследователь Збигнев Камецкий в статье «Трудности осуществления экономических реформ» отмечает: **«Хотя политические факторы играли важную роль в начальной стадии осуществления реформы, они стали менее важными, так как политическая ситуация вернулась к нормальной** (здесь и далее выделено нами – М.Г). Это экономические факторы сдерживали возможности реформы. Например, нехватка многого сырья и импортированных товаров вызвали продление центральной системы распределения, которая является полностью противоречащей реформе».[7, 131]. Как видно из приведенной цитаты, точка зрения автора акцентирует внимание только на роли экономических инструментов. Однако далее он, в чем-то противореча сам себе, замечает: «Реформа вводится теми самыми людьми, которые работали в течение многих десятилетий при высокоцентрализованной системе. Некоторые из них были приучены к предоставлению или получению директив или, еще хуже, ожиданию их. Именно эти привычки препятствуют реформе, и они присутствуют на всех уровнях управления... **Осуществление экономической реформы остается политическим обязательством существующего руководства»**

[7, 132]. То есть реформа, фактически, осуществляется политиками, точнее – политическим руководством. Следовательно, при всей важности, по мнению автора, экономических факторов, её эффективность зависит все же от того, насколько быстро органы политической власти избавятся от указанных вредных привычек. Тем самым, вероятно, сам того не желая, З. Камецкий, свидетельствует в пользу приоритетной роли политического аспекта реформ.

Приведем еще один, несколько иной пример подхода к проблеме «политика и/или экономика». Джек Беласяк в статье «Экономическая реформа против политической нормализации», касаясь взаимодействия двух аспектов, пишет во вводной части: «Очевидная напряженность существует между программой экономического оздоровления, основанной на децентрализации, и политической программой “нормализации”, нацеленной на консолидацию власти и гегемонию над обществом. Хотя теоретически возможно отделить экономику от политической власти в централизованно-плановой экономике, историческое свидетельство ... социалистических государств демонстрирует неудачу в том, чтобы достигнуть экономической децентрализации при поддержании политической централизации» [6, 103]. Далее, в разделе «Системные препятствия реформе» он делает ряд весьма существенных, на наш взгляд, замечаний: «Существуют системные препятствия к высвобождению экономического выбора от политического процесса. Это – из-за "сплавленной воедино" природы систем Советского типа, где политическое, и экономические царства являются тесно взаимосвязанными, характеризующимися однопартийным правлением и централизованным распределением ресурсов. ... Унитарная логика системы подразумевает соединение государственного устройства и экономики в форме однопартийного государства с централизованным планированием. ... Точно по этой причине **экономическая реформа становится проблемой не только управления (в экономике) но также и правления (в государственном устройстве). Эта проблема, в свою очередь, объясняет робость экспериментальной реформы в системах Советского типа**» (выделено нами – М.Г.) [6, 105].

Заметим, в этой связи, что подобная система зародилась отнюдь не в прошлом веке, равно как и не только в Европе: «За последние два-три десятилетия востоковедами достаточно обстоятельно изучен открытый в свое время учеными своеобразный социально-экономический и общественный строй стран Востока (с его политической надстройкой – восточной деспотией). ... При всем различии... определений под сущностью этого явления всеми учеными подразумевается одна и та же сумма отличительных черт. ... Ему свойственны жесткая централизация, пирамидальная структура общества и власти, преобладание вертикальных, а не горизонтальных социальных связей, приоритет распределения над свободной торговлей, господство аппарата, засилье бюрократизма, нивелировка личности» [5, 2]. Подобное определение тоталитарной системы – с доминированием политики над экономикой – представляется универсальным во времени и пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. О политической и социальной революции. – [http:// www.krotov.info/library/02_berdyayev/1918_duorr_01.htm](http://www.krotov.info/library/02_berdyayev/1918_duorr_01.htm)
2. Ильин, В. В. Реформы и контрреформы: циклы модернизационного процесса / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 400 с.
3. Керсновский, А. А. История русской армии. В 4 т. / А. А. Керсновский.. – М.: Голос, 1992 – 1994.
4. Леонтович, В. В. История либерализма в России. 1762 – 1914 / В. В. Леонтович. – М.: Русский путь, 1995. – 445 с.
5. Непомнин, О. Е. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох / О. Е. Непомнин, В.Б. Меньшиков. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 334 с.
6. Jack Bielasiak. Economic Reform Versus Political Normalization – Creditworthiness and Reform in Poland. Western and Polish Perspectives. Ed by Paul Marer & Wlodzimierz Siwinski. – Indiana University Press, 1988. 348 p
7. Zbigniew Kamecki. The Difficulties of Implementing Economic Reforms. – Creditworthiness and Reform in Poland. Western and Polish Perspectives. Ed by Paul Marer & Wlodzimierz Siwinski. – Indiana University Press, 1988. 348 p.